
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

УДК: 332.01, 332.133

JEL: B2, B12, O15

**Экономика неравенства в условиях новой многоуровневой глобализации:
основные положения теории конвергенции и дивергенции региональных
интеграционных объединений***Д.И. Усманов*, к.э.н., доцент*<https://orcid.org/0000-0002-0357-1584>; SPIN-код (РИНЦ): 7711-9284**Scopus author ID: 57212345986**e-mail: us.dali@mail.ru***Для цитирования**

Усманов Д.И. Экономика неравенства в условиях новой многоуровневой глобализации: основные положения теории конвергенции и дивергенции региональных интеграционных объединений // Проблемы рыночной экономики. – 2024. – № 4. – С. 58-80.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-4-58-80>**Аннотация**

Глобализация в условиях беспрецедентной экономической и политической изоляции России предопределила векторы стратегического развития преимущественно со странами ближнего зарубежья в контексте теории конвергенции и дивергенции экономик, обладающих разным потенциалом и емкостью социально-экономического развития проанализированных на примере государств-членов ЕАЭС, что и формирует предпосылки для усиления неравенства и поиска путей инклюзивного развития всех членов интеграционного союза. На основе поисковых и дескриптивных исследований автором выявлены и структурированы многоуровневые формы взаимодействия интеграционных объединений в условиях усиления глобализации через углубление интеграционных процессов, на основе нового подхода – экономического эффекта регионализации «агрегирования».

Ключевые слова: экономика неравенства, конвергенция/дивергенция, региональные системы, многоуровневая глобализация, интеграционные объединения, Евразийский экономический союз, экономический рост, неравенство, инклюзивное развитие.

**The Economy of Inequality in the New Multilevel Globalization:
Basic Provisions of the Theory of Convergence and Divergence
of Regional Integration Associations***Daler I. Usmanov*, Cand. of Sci. (Econ.), Associate Professor*<https://orcid.org/0000-0002-0357-1584>; SPIN-code (RSCI): 7711-9284**Scopus author ID: 57212345986**e-mail: us.dali@mail.ru***For citation**

Usmanov D.I. The Economy of Inequality in the New Multilevel Globalization: Basic Provisions of the Theory of Convergence and Divergence of Regional Integration Associations // Market economy problems. – 2024. – No. 4. – Pp. 58-80 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2024-4-58-80>

Abstract

Globalization in conditions of unprecedented economic and political isolation of Russia predetermined the vectors of strategic development mainly with the countries of the near abroad in the context of the theory of convergence and divergence of economies with different potential and capacity of socio-economic development analyzed on the example of the EAEU member states, which forms the prerequisites for increasing inequality and search for ways of inclusive development of all members of the integration union. On the basis of exploratory and descriptive studies, the author identified and structured multilevel forms of interaction of integration associations in the context of increasing globalization through the deepening of integration processes, based on a new approach - the economic effect of regionalization "aggregation".

Keywords: *economics of inequality, convergence/divergence, regional systems, multilevel globalization, integration associations, Eurasian Economic Union, economic growth, inequality, inclusive development.*

Введение

Наш мир вступил в период быстрых изменений по всем направлениям – технологическим, социальным, экономическим и др. Мир в целом и мир интеграционных альянсов, в частности. Масштабы и скорость этих изменений сами по себе свидетельствуют о неравномерном развитии глобальных экономических явлений, которые равны одномоментным процессам конвергенции различных социально-экономических систем и их дивергенции в случае отсутствия налаженных гибких механизмов взаимовыгодного сотрудничества. Трансформация геополитических и геоэкономических интересов торговых группировок и союзов претерпевает серьезную проверку на жизнеспособность и стратегическую целесообразность своего существования и развития.

Исследования российских и иностранных ученых [1, 2, 3, 4, 5...-97] посвященные глобальному неравенству, интеграционным/деинтеграционным процессам, экономической активности и сфере международной торговли в целом, дают основания сформулировать целый ряд методических подходов к определению воздействия процессов глобализации на формирование эффективных механизмов содействия развитию национальных экономик интеграционных объединений с целью обеспечения совместного экономического развития. Правильнее говорить даже не столько о совместном, сколько об инклюзивном экономическом развитии, включающем механизмы сближения разноуровневого взаимодействия. Отметим, что глобализационные процессы не только приводят к изменению значимости центров мировой экономики, но и вызывают существенные сдвиги в рамках национальных экономик, в связи с чем, возникают вопросы о моделировании устойчивого и сбалансированного пространственного развития интеграционных объединений, сокращению их различий в уровне экономического развития и доходов населения.

Теоретико-методические подходы к исследованию процессов конвергенции и дивергенции региональных интеграционных объединений

Экономическая конвергенция¹ как концепция сбалансированного развития Евразийской интеграции представляет собой систематический процесс (временной и пространственный) по

¹ Теория конвергенции возникла в 1950-1960-е гг. под влиянием научно-технического прогресса как концепция призванная уравновесить интересы двух социально-экономических систем – капиталистической и социалистической. К представителям данной теории относятся: Р. Арон (Франция), Дж. Гэлбрейт, П. Сорокин, У. Ростоу (США), Д. Стрейч (Великобритания), Я. Тинберген (Нидерланды), О. Флейтхеймон (ФРГ) и др.

Среди зарубежных авторов, занимающихся экономической конвергенцией, можно выделить работы Н.Г. Мэнкью, П.М. Ромера, Д. Вейла, Р. Барро, Х. Сала-и-Мартина, Д. Ква, А. де ла Фуэнте, П. Эванса, Н. Ислама, Д. Ланциери, Т. Пикетти и др. Из российских публикаций отметим работы А. Гранберга, Л. Гринина, Р. Гринберг, А. Коротаев, С. Дробышевского, Д. Зверева, А. Иодчина, О. Лугового, А. Либман, Е. Коломак, Е. Таран и др.

сглаживанию межстрановых различий в базовых (ВВП, ВВП, ИЧР, ДДН и др.) и синтетических показателях инклюзивности экономик государств – членов ЕАЭС, а также сближение межгосударственных нормативно-правовых систем и мер политического взаимодействия.

Главное заключается в том, что какой бы значимой ни была эта уравнивающая сила, обеспечивающая схождение между странами, иногда над ней могут брать верх силы расхождения, действующие в противоположном направлении, т.е. силы, способствующие увеличению и углублению неравенства. Очевидно, что в результате недостаточных инвестиций в развитие факторов «второй природы»² целые социальные группы и страны с различным потенциалом могут лишиться возможности воспользоваться плодами роста или даже оказаться в деклассированном положении и быть вытеснены новыми людьми, как показывает протекающий ныне процесс догоняющего развития одних стран другими (китайские рабочие занимают место американских и французских рабочих; белорусские и кыргызские рабочие занимают места российских рабочих и т. д.) [48, С. 41]. Иными словами, главная сила конвергенции применительно к интеграционным процессам – инклюзивное развитие факторов «второй природы» для всех государств-членов союза – лишь отчасти является естественной и произвольной и в значительной степени зависит от политики государств-членов ЕАЭС в области углубления интеграции и от институциональных структур, функционирующих в этой сфере.

Прежде чем перейти к обзору научных подходов и аргументов в пользу концепции конвергенции, предлагаем сузить и конкретизировать понятийно-категориальный аппарат исследования.

Понятийные системы конвергенция³ [45] (лат. *convergere* – сближение) и дивергенция (лат. *divergere* – расхождение) характеризуют процесс развития объекта, его свойства выделять и соединять качественные признаки, обновлять свою структуру. При сходных условиях элементы структуры сложной системы, развиваясь, обособляют свои свойства, и постепенно вся система начинает функционировать иначе, т.е. становится дивергентной относительно ей подобным [66]. В дальнейшем развитие системы приводит к качественному скачку, который сближает ее с такими же динамично развивающимися системами. Это позволяет классифицировать различные системы, выделяя в них как сходства, так и различия.

В то же время, применительно к экономике, наблюдается эффект полисемии, т.е. неоднозначность определений конвергенции и дивергенции, их места и роли в описании процессов экономического развития интеграционных объединений. Так, мнение о неэкономической природе конвергенции хозяйственных систем, происходящей из логики развития общественных формаций [9], наличествует вместе с концепцией чисто экономического индицирования конвергенции – как объективной тенденции промышленно развитых обществ (взаимопроникновения разных моделей и типов экономических систем, трансформации институтов и нивелирования межсистемных различий) [1], или как субъективное отклонение [74, С. 154-158] от исторического процесса экономического развития (результат усилий элит по реализации своих интересов) [79]. В рамках нашего исследования под конвергенцией предлагаем понимать тенденцию усиления глобализации через углубление (регионализация «агрегирования»⁴) интеграционных процессов – сближения государств-членов постсоветского пространства, имеющих общие цели или признаки для равной и взаимовыгодной кооперации.

² Факторы «второй природы»: 1) агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающие экономию на масштабе; 2) развитая инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние; 3) человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения); 4) институты, способствующие межрегиональной и межстрановой интеграции, росту мобильности населения, распространения инноваций и др.

³ Термин «конвергенция» заимствован из биологии, где он обозначает сближение в процессе эволюции признаков далеких по происхождению групп организмов, приобретение ими схожего строения в результате существования в одинаковых условиях.

⁴ Регионализация «агрегирования» (лат. *aggregatio* присоединение) – это форма интеграции объединяющая разные уровни взаимодействия как между отдельными торгово-экономическими, социальными институтами межфирменного и межкультурного развития (регионализация «снизу») так и на уровне межправительственных и межгосударственных согласованных стратегических мер по достижению баланса интересов в сфере приоритетных направлений, определяемых наднациональными институтами управления всех государств-членов союза (регионализация «сверху»).

Иными словами, конвергенция есть ничто иное, как сближение экономик различных субъектов (регионов, стран); различных экономических систем, их отдельных институтов и механизмов; основных макроэкономических показателей [26] и др. Соответственно *дивергенция будет рассматриваться как противоположный процесс конвергенции, т.е. факторы (эндогенные и экзогенные), тенденции и закономерности, препятствующие интеграционным процессам между заинтересованными странами*⁵. Иными словами, это углубление негативного отрыва от технологически передовых развитых стран с рыночной экономикой, как по макропоказателям, так и по структурным пропорциям [68]. Важно также подчеркнуть, что стимулы к конвергенции и факторы ее развития в каждой стране действуют по-разному и задача руководящих органов ЕАЭС – сформировать сбалансированную политику в данной сфере.

В экономике конвергенция представляет собой эффект уравнивания хозяйствующих систем разного уровня развития, потенциала, уровня капиталовооруженности, трудовых ресурсов и технологического уклада за счет эффекта регионализации «агрегирования», где выделяется главное ядро интеграционных процессов – абсолютная конвергенция, на основе соединения культурно-исторических, геоэкономических, военно-политических территориальных предпосылок для стран, граничащих с Российской Федерацией. Добавим также, что далеко не последнюю роль среди таких факторов имеют технологические и институциональные. В целом эта гипотеза, основана на предположении, что развивающиеся страны могут иметь более высокие темпы экономического роста, чем развитые⁶. Результатом чего станет уравнивание доходов на душу населения во всех странах, что соответствует вариационным признакам неоклассической теории роста Р. Солоу и Э. Денисона [95, С. 65-94; 44, С. 201-213; 36, С. 42-60].

Важное значение в модели Р. Солоу имеет тезис о сходимости (конвергенции). В рамках своих исследований ученый выделяет три причины, обуславливающие эффект конвергенции [92, С. 32-36]:

1. экономики стран двигаются по траекториям сбалансированного роста, то есть разница в выпуске на одного работника только из-за различия положений стран относительно траектории сбалансированного роста, таким образом более «производительные» бедные страны догоняют менее «производительные» богатые страны;
2. предельная отдача от капитала ниже в странах с более высокой капиталовооруженностью, а значит начинается переток капитала из богатых стран в бедные, производя сокращения в доходах между странами;
3. из-за распределения технологий во времени возникающие различия в доходах между странами начинают сокращаться после того, как бедные страны получают к ним доступ.

Одним из свойств неоклассической теории экономического роста является *конвергенция регионов и стран* по ряду классификационных признаков (табл. 1). Региональная конвергенция

⁵ Теория экономической дивергенции рассмотрен в трудах Э. Аткинсона, Т. Пикетти, Е.В., Р.И. Капелюшников, Балацкого и К.М. Саакянц, Г.Н. Барсегова, А. Гершенкрона, К. Дервиша, Е.Л. Еати и Т. Вильямса, М. Коса и Ч. Отрока, А.В. Коротаева, Д.Т. Куада, Я.Д. Лисоволика, Л. Ли, Р. Смита и М.Х. Пезарана, Д.Ю. Руденко и Зинковской К.Ю. Кс. Сала-и-Мартин и др.

⁶ В неоклассических моделях экономического роста типа модели Р. Солоу и Э. Денисона под строгой (абсолютной) конвергенцией рассматривается гипотеза, которая утверждает, что две или более страны имеют одинаковую производственную функцию, темп роста населения, норму выбытия и норму сбережения, то очевидно, что они стремятся к одному и тому же устойчивому уровню капиталовооруженности. Естественно, что развивающиеся страны (например, Армения, Кыргызстан) имеют первоначальный уровень капиталовооруженности более низкий, чем развитые (например, Россия, Казахстан) в итоге страны имеют уровень капиталовооруженности ниже равновесного. Очевидно, что по мере приближения к устойчивому уровню капиталовооруженности темп прироста капиталовооруженности будет уменьшаться, а следовательно, будет уменьшаться и темп роста экономики в целом. Иными словами, абсолютная сходимость по обозначенным выше признакам маловероятна. Даже если мы предположим, что указанные выше предпосылки соблюдены и страны с первоначально меньшим запасом капитала развиваются быстрее, чем страны с большим первоначальным запасом капитала, то столкнется с эффектом разноуровневой конвергенции, где одни страны всё устраивает, а другие не получают ожидаемых экономических эффектов от интеграции, что приводит к расфокусировке целей и мотивов всех государств-членов союза. Поэтому в действительности конвергенция в большинстве случаев является условной (слабой), поскольку страны имеют разные стартовые возможности для взаимодействия, т.е. речь идёт о схождении экономик, развивающихся на разных скоростях.

представляет собой сближение уровней развития регионов, страновая – государств. Различают конвергенцию в темпах роста, в уровнях дохода и в производительности факторов, понимая под этим сглаживание различий между странами (регионами) по соответствующему показателю.

Таблица 1 / Table 1

**Типы экономической конвергенции применительно к интеграционным процессам /
Types of economic convergence in relation to integration processes**

Типы конвергенции	Характеристика	Источник
Конвергенции I-го типа		
Абсолютная конвергенция (безусловная сходимость)	Согласно данному типу конвергенции, бедные страны показывают более стремительный рост, который постепенно замедляется при приближении к уровню развитых стран. Постепенно показатели роста выравниваются. Выделяется две концепции конвергенции – бета (β -сходимость) и сигма (σ -сходимость). Бета-конвергенция предполагает более быстрый рост бедных стран в сравнении с богатыми и экономически развитыми государствами. Сигма-конвергенция предполагает снижение уровня дисперсии уровня душевого дохода между государствами.	Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth and Convergence across the United States. Working Paper 3419. – Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research (August), 1990. – 69 p.
Условная конвергенция (слабая сходимость)	бедные страны растут быстрее богатых при прочих равных (при условии схожести структурных параметров и производственной функции), то есть при одинаковом устойчивом состоянии. В случае если устойчивые состояния отличаются, условная конвергенция означает, что страна растет тем быстрее, чем дальше она находится от собственного устойчивого состояния.	
Конвергенция II-го типа		
Ex ante конвергенция	Конвергенция этого типа связана с «системой государственного регулирования и целенаправленной политикой «подтягивания» к уровню развитых структурно слабых регионов». Наиболее яркий пример – страны ЕС.	Либман А.М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ / А.М. Либман // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 5. – С. 58-72.
Ex post конвергенция	Данный тип конвергенции является итогом спонтанного взаимодействия экономических агентов и перетока капиталов, благ и рабочей силы между государствами.	
Клубная конвергенция	группы стран со сходными траекториями роста, где конвергенция происходит между этими подгруппами стран (как правило, определяют с помощью фиктивных переменных, включённых в модель условной конвергенции).	Ланциери Д. Наблюдается ли конвергенция рождаемости в странах-членах Европейского Союза? // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1, № 2. – С. 110-139.

Типы конвергенции	Характеристика	Источник
<i>Конвергенция III-го типа</i>		
Институциональная конвергенция	сближение с точки зрения создания условий для развития интеграции: действующая нормативно-правовая база, система регулирующих органов интеграционного объединения и совместных институтов, реализуемые интеграционные политики.	Доклад ЕЭК «Система индикаторов интеграции как инструмент анализа». – 2019. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.isbnk.org/upload/File/The%20System%20of%20Integration%20Indicators%202019.pdf
Рыночно-инфраструктурная конвергенция	схождение уровень сформированности общих рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы с учётом созданных институциональных условий для интеграции.	
Макроэкономическая конвергенция	в широком смысле – сближение экономических систем стран – участниц объединений, реализуемых ими политик, в узком смысле – сближение значений и динамики основных макроэкономических показателей стран-участниц.	

Источник / Source: составлено автором по / compiled by the author from: [84, 8, 34].

В целом сближение стран, входящих в экономические объединения, является как одной из целей процесса экономической интеграции, так и предпосылкой ее успешности. Можно выделить три вида экономической конвергенции: реальную, номинальную и институциональную. Реальная конвергенция означает сближение уровней доходов на душу населения между странами экономических объединений. Номинальная конвергенция представляет собой синхронизацию динамиками важнейших макроэкономических показателей. Институциональная конвергенция предполагает сближение условий ведения экономической деятельности и уровня развития рыночных институтов [48].

Важно подчеркнуть, что реальная конвергенция может стать устойчивой только тогда, когда она опирается на глубокую интеграцию экономик, становится ее следствием, а не результатом механического перераспределения доходов.

На основе контента и компаративного анализа были систематизированы научные публикации по различным аспектам глобализации, конвергентным и дивергентным тенденциям экономического развития, которые можно классифицировать следующим образом:

1. «Проблематика экономической конвергенции и дивергенции развитых и развивающихся государств». Большой вклад в изучение этих вопросов внесли такие отечественные и иностранные ученые: Арон Р., Албастова Л.Н., Акиндинова Н.В., Апергис Н., Барро Р.Дж., Борси М.Т., Бельский Ю.Л., Балацкий Е.В., Бессонов В.А., Глазьев С.Ю., Идрисов Г.И., Клавдиенко В.П., Княгинин В.Н., Лобанов О.С., Либман А.М., Метиу Н., Меньшиков С.М., Манцев В.В., Минаков В.Ф., Панополу Е., Перру Ф., Рябов Б.А., Рожкова Е.С., Сала-и-Мартин Кс., Сухарев О.С., Саакянц К.М., Сорокин П., Тсумас С., Фальцман В.К., Фомин Д.А., Ханин Г.И., Шуваев А.В. и др. В трудах вышеуказанных исследователей рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся конвергенции социализма и капитализма; детально изучены теоретические основы цифровизации экономики и глобального трансфера технологий; проанализированы общие закономерности, присущие структурной динамике реформируемой экономики РФ.

2. «Теоретические основы государственного регулирования многоукладной рыночной экономики». Изучением этих вопросов занимались иностранные и российские ученые: Барр Р., Домар Е., Кейнс Дж.М., Коломак Е.А., Козлов В.М., Курбатова М.В., Коуз Р.Х., Капелюшников Р.И., Левин С.Н., Малявина А.В., Маршалл А., Норт Д., Ойкен В., Перру Ф., Полтерович В.М., Рыкова И.А., Смольницкий В.А., Титов К.А., Хикс Дж.Р., Харрод Р., Эрхард Л., Ясин Е.Г. и др. Данные авторы изучали комплекс мер государственной структурной политики, особенности его формирования, а также институциональные основы регулирования национальной экономики.

3. «Влияние технологической конвергенции на процессы структурного формирования». Изучению такого влияния посвятили свои исследования Белоглазова С.А., Бейнбридж У., Ветлуга К., Гасанов Э.А., Гасанов М.А., Елхина И.А., Пелипас И., Роко М. и др. Также ими рассмотрены особенности феномена структурной конвергенции.

Рассматривая феномен экономической конвергенции, целесообразно выделить и проанализировать некоторые подходы к ее исследованию в контексте интеграционных процессов и объединений (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Научные подходы к исследованию экономической конвергенции в контексте интеграционных процессов и объединений / Scientific approaches to the study of economic convergence in the context of integration processes and alliances

№	Наименование подхода	Суть подхода	Авторы
1	Конвергенция капиталистического и социалистического способов производства	Микроуровень анализа – соединение стихии рынка и внутрипроизводственного планирования в отдельных фирмах	Р. Арон, В. Бакингом, Дж. Гэлбрейт, К. Данкерт, У. Росту, П. Сорокин, Д. Стрейч, Ф. Перру, Я. Тинберген, О. Флейтхеймон и др.
2	Конвергенция как сближение развивающихся и развитых стран по темпам экономического роста	Акцент на сопоставлении отдельных показателей макроэкономической динамики разных стран	М. Абрамовиц, Р.Дж. Барро, Н.Г. Мэнкью, П.М. Ромера, Д. Вейла, Ф.Б. Ларрен, Р. Лукас, Кс. Сала-и-Мартин, Дж. Сакс и др.
3	Конвергенция институциональной структуры различных стран	Акцент на анализе институциональной структуры и перспективах заимствования институтов	М.Т. Борси, В.П. Клавдиенко, Н. Метиу, А.М. Либман и др.
4	Конвергенция как составляющая процесса глобализации экономики	Акцент на структуре производства мирового ВВП	Ф. Агийон, Э. Атkinson, Б.Е.А. Безгласная, Ю.Л. Бельский, А.В. Григорьева, М.В. Казакова, Б. Миланович, Т. Пикетти, А.А. Разем, С.Б. Сафронов, Б. Улин и др.
5	Конвергенция инновационно-технологической структуры экономики передовых стран	Акцент на анализе влияния конвергентных технологий на структуру экономики	С.Ю. Глазьев, М.А. Гасанов, Э.А. Гасанов, В.Ф. Минаков, А.В. Шуваев, Г.И. Идрисов, В.Н. Княгинин и др.

Источник / Source: составлено автором / authored by.

Первый подход – конвергенция капиталистического и социалистического способа производства. Данный подход возник и начал активно развиваться с середины XX столетия в связи с исследованием конвергенции двух способов производства – социалистического и капиталистического. Исследователи, придерживавшиеся данного подхода, писали в своих трудах «о нарастающем родстве форм организации производства по мере распространения и расширения промышленного уклада, приводящего к концентрации капитала, укрупнению отраслевых структур, отраслевого и внутрипроизводственного планирования» [49, С. 32-43, 18, С. 62-66, 5].

Buckingham W. и Dankert C. пишут: «концептуальное воплощение рассматриваемого подхода – синтезированная экономика [82, 90], смешанная конвергентная экономика [69, С. 91, 33], субсидиарное государство, вмешивающееся в экономику» тогда, когда в этом возникает необходимость [19, 20], интегральный тип общественного производства [51, 89], экономика всеобщего типа с высокой долей обобществления производства.

Последователи рассматриваемого подхода ограничивались только лишь институциональным видением перспектив и проблем, связанных с взаимным проникновением этих укладов. В рамках изучения данной теории исследователи обращали внимание на некоторые сходные элементы, такие как: требования о более справедливом распределении дохода; привнесение элемента планирования в деятельность иностранных международных юридических лиц; стремление некоторых хозяйственных объединений Советского Союза к получению прибыли [42, 6].

Структурная составляющая конвергенции способов хозяйствования в рамках рассматриваемого подхода не была раскрыта. По результатам структурного анализа есть все основания говорить о том, что такой конвергенцией предполагается сближение формы, но никак

не обеспечение родства содержательных компонентов структуры экономики. Если исходить из этой точки зрения, то следует сказать, что структурные сдвиги, обусловленные рыночной реформой национальной экономики РФ в 1990 годах, обладали некоторыми конвергентными признаками: возникновение большого количества конкурирующих предприятий, разрушение директивно-плановой экономики, массовая приватизация. В это же время в стране наметились иные, гораздо более глубокие признаки еще одного структурного сдвига, обладавшие дивергентным характером. Структура национальной экономики РФ была лишена множества элементов и черт, присущих современной рыночной системе с развитой промышленностью. Не существовало инновационно-внедренческих компаний, высокотехнологичных холдингов, частных исследовательских фирм и инновационно-предпринимательских сетей.

Со временем различия в структурном плане между российской экономикой и экономикой Китая, Соединенных Штатов и стран Западной Европы углубились настолько, что рыночные реформы, определяемые в качестве проявления конвергенции экономики бывшего Советского Союза и передовых стран Запада, породили обратный сдвиг – дивергентный.

Второй подход – конвергенция как сближение стран с развитой и развивающейся экономикой по темпу экономического роста. Данным подходом предполагается оценка сближения стран с развитой и развивающейся экономикой по темпу экономического роста, имевшего место в середине XX века. Объяснить конвергенцию экономики разных стран исследователи пытались в рамках неоклассических теорий роста экономики [70, С. 201] (эндогенного и экзогенного роста – П. Ромер [93] и Р. Солоу [95]). Были выделены такие виды конвергенции:

- условная конвергенция – более стремительный рост стран с развивающейся экономикой при сходном соотношении использования капитала и труда, замедляющийся при приближении данного соотношения к странам с развитой экономикой;

- «сигма-конвергенция – выравнивание разброса подушевого национального дохода среди стран с развитой экономикой и некоторых развивающихся государств»;

- «бета-конвергенция – более высокий темп роста у стран», чей подушевой ВВП ниже, чем у более развитых государств.

В научных исследованиях в числе ключевой причины конвергенции государств по темпу экономического роста выделяется повышение производительности труда в странах с развивающейся экономикой по мере расширения доступа развивающихся в экономическом плане стран к новейшим технологиям и поступления прямых иностранных инвестиций, стимулируемых более высокой отдачей от капитала. Примером можно назвать восстановление Японии, Германии и Франции в послевоенные годы.

Особо выделяется клубная конвергенция государств, показатели роста экономики которых являются достаточно сходными и по исходным условиям, и по темпам. В качестве примера можно привести так называемые «Азиатские тигры», когда Сингапур, Тайвань, Южная Корея и Гонконг смогли добиться стремительного роста в связи с массовым притоком в 1990 годах технологически связанных иностранных инвестиций. Еще один наглядный пример – развитие стран БРИКС в 2000 годах, которые развивались в условиях исключительно благоприятной конъюнктуры глобального рынка сырья [30, С. 113-120]. При этом многие экономисты обращали внимание на наличие достаточно серьезных ограничений теории международной конвергенции роста экономики. Дж. Сакс, Ф.Б. Ларрен и М. Абрамовиц [64] выделили актуальные институциональные проблемы реформ рыночной экономики. А. Гершенкрон обращал внимание на несовершенство промышленной политики в странах с развивающейся экономикой [10, С. 59-66]. Р. Лукас делал акцент на низком качестве человеческих ресурсов, недостаточных частных инвестициях и сбережениях [36], называя их основными барьерами для инвестирования промышленного роста и притока новых технологий.

Кс. Сала-и-Мартин и Р.Дж. Барро описали конвергенцию роста, являющуюся характерной для технологически близких экономик стран Западной Европы и США в середине XX века, в то время как в странах Восточной Европы данная тенденция проявлялась гораздо в меньшей степени [8]. Ключевым положением гипотезы, сформулированной указанными авторами, является «долгосрочная тенденция развития экономики современных государств в условиях конвергентного сближения их подушевого ВВП с неким устойчивым стационарным состоянием,

в качестве которого выступает уровень подушевого внутреннего валового продукта» в самой развитой стране.

Сближение темпа развития национальной экономики РФ с темпом экономического роста развитых в технологическом плане государств имело место в 2000 годах (в течение довольно ограниченного времени). Тогда в не совсем благоприятных экономических условиях рост доходов государственного федерального бюджета и потоки выручки от экспортирования российского сырья обеспечил существенное ускорение темпов роста, превышающих мировые. Но со временем данный эффект исчерпался, что привело к расхождению в макроэкономических трендах со странами с развитой экономикой.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что конвергенция роста экономики – это результат полномасштабного положительного структурного сдвига, который был индуцирован извне и вызван качественным ростом в накоплении капитала, импорте и адаптации к сложившимся условиям инновационных технологий, промышленно-политических институтов, а также в сдерживании роста доходов с целью достижения цели по увеличению отдачи капитала.

Третий подход – конвергенция институциональной структуры разных государств. Сущность конвергенции в рамках данного подхода состоит в том, что хозяйственные системы различных государств развиваются прототипизированно, моделируя «институциональные структуры, решая похожие проблемы экономического характера, отбрасывая неэффективные институты, восполняя пробелы правилами и нормами, которые положительно зарекомендовали себя в мировой практике» [80, 49, 81].

Н. Метиу и М.Т. Борси обращали внимание на то, что в результате развития институциональных структур различных государств обеспечивается их тождественность [83].

А.М. Либман в своих исследованиях выделил несколько задач рыночной реформы, решаемых в ходе институциональной конвергенции [37, С. 58-72]:

- попытка преодоления внутренних блокад реформ;
- улучшение позиции в мировой институциональной конкуренции;
- снижение издержек трансграничных транзакций.

Решению данных задач способствует адаптация мирового опыта, импорт и адаптация эффективных институтов в качестве временных (Д. Родрик [94], В.М. Полтерович [50, С. 25-44]).

Следует согласиться с мнением исследователей [31, С. 24-31, 73], считающих, что конвергенция институтов, обусловившая повышение эффективности применения норм, принятых на международном уровне, является возможной в странах, чьи экономические системы подвергаются влиянию сильных факторов сближения:

- внешних – культурное сотрудничество стран, военное вмешательство (в случае с Россией – страны бывшего СССР; в случае с Великобританией – Индия; в случае с Соединенными Штатами – Южная Корея);
- внутренних – развитие и расширение традиционных кооперационных, производственных, финансовых и торговых связей: США, Канада, Мексика; страны Восточной и Западной Европы.

Для национальной экономики России, которая до реформы достаточно долго развивалась вне полномасштабного производственного, научного и экономического сотрудничества с технологически развитыми государствами, а сегодня продолжает принимать участие в глобальном производстве как сырьевой придаток, до сих пор не создано свода правил и стандартов, какие существуют в странах с развитой экономикой. Из этого следует, что для серьезного и полномасштабного структурного сдвига одного только заимствования удачного иностранного опыта явно недостаточно.

Четвертый подход – конвергенция как неотъемлемый элемент процесса экономической глобализации. В основу данного подхода положен анализ факторов глобализации, которые продуцируют изменения и сдвиги структурного плана, сближающие национальные экономики разных государств и вызывающие схожие процессы в их развитии. В научной литературе обращается внимание на то, что «экономическая конвергенция в рамках глобализационной концепции базируется на уменьшении вклада наиболее развитых государств в производстве мирового ВВП и его «размазывании» между странами с развитой и развивающейся экономикой

(к слову, «размазывание», по некоторым прогнозам, будет длиться до середины XXI века). Так, если на 2000 года распределение населения государств-членов ОБСЕ [46] и производимой ими доли мирового ВВП составляло 20% и 77%, то к 2030 году данное соотношение прогнозируется на отметке 20% и 50%» [86]. По мнению ряда ученых [29, С. 96-100, 57, 11, С. 23-25], этим предполагаются достаточно глубокие изменения структурного характера в странах Латинской Америки, Африки и Азии. Такие изменения поспособствуют обеспечению сходного уровня производительности, а также перераспределению участия стран с развитой и развивающейся экономикой в глобальной цепочке генерирования стоимости. Конвергентные сдвиги структурного плана охватывают эффективность и соотношение частных и государственных институтов, постепенное уменьшение технологического разрыва за счет распространения передовых достижений НТП по телекоммуникационным каналам, а также перераспределение инвестиций в высокотехнологичные и обрабатывающие производства между государствами.

Конвергентный эффект также присущ процессу привнесения в национальную экономику стран с развивающейся экономикой компонентов структуры развитых стран (посредством экспансии ТНК – транснациональных корпораций).

Обратим внимание, что представленные выше выводы сделаны с учетом успешного примера региональной интеграции ЕС, где странами-участницами создана и поддерживается наднациональная структура. В целом, главным фактором, обусловившим возможность такого интеграционного объединения, выступает взаимозависимость национальных экономик стран Европы и сформированность институтов наднационального регулирования экономики [65]. Свою роль также сыграло наличие единой технологической платформы и практика свободного перемещения капитала между отраслями (благодаря развитию общих европейских бизнес-сетей [22]). Интеграционный процесс в виде перехода к использованию единой валюты стал возможен во многом благодаря конвергенции экономик стран Европы по таким индикаторам макроэкономического порядка, как процентные ставки, отношение долга к ВВП, уровень инфляции [58]. Обратим внимание, что наряду с «глобализационной» конвергенцией, в качестве объекта исследований выступала мезоэкономическая [24, С. 56-64, 23, С. 1-7, 84, 87] и регионализационная [27, 78, 75, 71] конвергенция.

Несомненно, процесс глобализации, который сопровождается, по мнению специалистов: «созданием международного трансфера технологий и межнациональных экономических блоков», обеспечил формирование факторов и предпосылок для структурных изменений в странах бывшего социалистического блока и ЮВА. Немаловажным значением, по нашему мнению, обладает также развитие и функционирование занятости в сетевом формате. Указанные сдвиги характеризуются технологической конвергентной природой». Обращается внимание, что «в них происходит качественное изменение механизмов выдвижения» ключевых секторов и отраслей, в ответ на что возникает принципиально новое структурообразование.

Наряду с этим, явно видно закрепление специализации экономик некоторых стран, благодаря чему происходит отдаление их структуры по форме от стран с развитой экономикой. Национальная экономика РФ является источником разных видов сырья (древесина, уголь, природный газ, нефть, нефтепродукты и пр.), а структура российской экономики все больше отдалается от развитых в технологическом плане государств. Соответственно, налицо процесс дивергенции. Иначе говоря, участие в процессах глобализации еще не является гарантией структурной конвергенции и положительных структурных сдвигов. К примеру, в 2005 году в России была довольно высокая экспортная квота и экспорт свыше половины от добытых углеводородов (уголь, газ, нефть) – 31%, а в 2014 году – 51%. Это примерно в два раза превышает показатели другого члена БРИКС – Бразилии.⁷

Пятый подход – конвергенция инновационно-технологической структуры национальной экономики ведущих государств. В основу данного подхода положены исследования, посвященные «конвергентной природе структурных изменений, а также особенностям конвергенции инновационно-технологической структуры экономики ведущих промышленных государств. Об особенностях конвергенции инновационно-технологической структуры разных государств указывали в своих исследованиях Гасанов Э.А. и Гасанов М.А. Они рассматривали

⁷ Определено по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctad.org/> (дата обращения: 10.11.2021).

ее как результат взаимного проникновения и сочетания разных инноваций технологического плана» [21, С. 5-16]. Категория «структурная конвергенция» или «конвергенция структурного типа» изучается иностранными учеными в контексте формирования технологической системы или парадигмы, в которой инновационные технологии, сочетаясь и переплетаясь между собой, превращаются в особый структурно-формирующий ресурс структурных экономических сдвигов. Это в полной мере сочетается с идеей о техническом единстве многих стран, фундаментом которого выступают доступные глобальные коммуникационные технологии и цифровизация технологических процессов [43, С. 12-18]. Данная идея также связана с таким понятием, как «конвергентная гиперсеть», которая способна объединить в экономике такие важные элементы, как познание, корректировка институтов («нооэкономика») и управление хозяйственными процессами [38, С. 16-25].

Таким образом, под конвергенцией технологической структуры следует понимать объединение некоторых инноваций в самовозрастающую систему. В этой системе развивающиеся технологии переплетаются и объединяются между собой, порождая технологии, диффузией которых генерируются новые отрасли. В условиях непрерывной цифровизации в качестве движущей силы сдвигов структурного характера признается глубокая, качественная и полная перестройка экономических отношений, происходящая под воздействием глобального распространения инноваций конвергентного типа. Речь идет о становлении и развитии сетевого формата инвестиций и управления производством, возникновении новых форм самоорганизации в предпринимательстве (блокчейн), постепенной утрате государством эмиссионно-ключевой роли.

Наряду с этим, преобразования в технологической структуре российской национальной экономики больше носят дегенеративный характер. Это абсолютно противоположно глобальному мировому тренду, заданному отраслевой экспансией конвергенции технологического типа. Реформа национальной экономики России вместе с положительными моментами принесла и ряд негативных преобразований, которые стали причиной серьезного замедления коммерциализации инноваций и инновационных продуктов. Результатом стало:

Во-первых, создание финансовых и институциональных условий для закрепления убыточных и высокзатратных производств в радиоэлектронике и машиностроительной отрасли, предприятия которых являются основными потребителями инновационных прорывных технологий.

Во-вторых, консервация ресурсоемких производств и технологий с невысокой долей генерируемой добавленной стоимости (финальный ассемблинг или добыча сырья).

В настоящее время финансируемые РОСНАНО инновационные проекты занимают около 25% (четверть) от отечественного рынка технологий. Сама государственная корпорация при этом является убыточной. Около половины производства отечественной машиностроительной отрасли (55%) сосредоточено в государственной корпорации «Ростех». Из входящих в «Ростех» предприятий и организаций убыточными является примерно 45 %. По последним данным, размер компенсаций убытка всех этих государственных организаций из государственного бюджета достигает 120 миллиардов рублей. В национальной экономике РФ коммерциализации подвергается не более 16 процентов разработанных технологий. Из них лишь около 50% отвечает глобальному мировому уровню. И это при общем технологическом лидерстве в двенадцати из 34 глобальных технологических направлений. Соответственно, само по себе возникновение новых компонентов в инновационно-технологической структуре еще не выступает в качестве фактора, определяющего условия конвергентных изменений в национальной экономике России.

Подводя итог обзору существующих подходов к «определению содержательной стороны конвергенции в структурных изменениях экономики, сделаем вывод, что ею достаточно объективно описываются процессы аналогичных преобразований структурных пропорций, связанных с увеличением отдачи от факторов производства в национальной экономике разных государств, а также расширением их доли в факторной структуре и дальнейшим влиянием на преобразования в социальной, инновационно-технологической, рыночно-конкурентной и отраслевой структуре».

В рамках нашего исследования основным научным подходом к пониманию составляющих механизма экономической конвергенции являются постулаты глобализационной экономики. Как

мы уже определили, конвергенция в общем виде заключается в сближении ключевых экономических показателей (как правило, выраженных на душу населения – per capita) различных государств, объединенных в некоторую группу. Группа государств может быть определена через общую характеристику (например, развивающиеся страны юго-восточной Азии или определенного региона Африки), а также через формально созданные объединения наподобие Европейского союза или Евразийского экономического союза, имеющие общую политическую, социокультурную и экономическую историю и единые цели развития, а также получающие с помощью такой интеграции возможность снижения общих для них угроз – будь то геополитические, экономические, техногенные или иные угрозы.

Конвергенция, таким образом, предполагает «подтягивание» отстающих государств до уровня, более развитых посредством более высоких темпов экономического роста, повышения их вклада в достижение общих для них целей или снижения общих для них угроз. Применительно к количественно измеряемым параметрам экономического роста в пользу высказанного предположения говорит несколько положений из неоклассической экономической теории.

Первый аргумент исходит из принципа убывающего предельного дохода на капитал. Несмотря на то, что развитие человеческого (труд) и физического (средства производства) капитала обеспечат рост ВВП на душу населения, закон убывающей отдачи предполагает, что по мере роста экономики это влияние будет снижаться. Так, например, рост среднего уровня образованности на 2 года (с 9 классов до 11 классов школы) приведет к росту производительности труда. Но в дальнейшем рост образовательного уровня на каждые 2-3 года будет обеспечивать все меньший итоговый вклад в экономический рост. Аналогичным образом меняются тенденции по отношению к физическому капиталу – увеличение фондовооруженности будет приносить все меньший эффект. Страны с более низким уровнем доходов, такие как Китай, Индия или Россия, имеют, как правило, и более низкий уровень развития человеческого и физического капитала, чем развитые страны. Поэтому инвестиции будут давать более значимую удельную отдачу на 1 доллар, рубль или иную единицу валюты в менее развитых странах. Иногда это называют эффектом низкой базы.

Второй аргумент заключается в том, что странам с низкими доходами во многих ситуациях легче внедрять современные технологии, чем странам с высокими доходами. Страны с высокими доходами должны постоянно вести разработку новых технологий, тогда как страны с низкими доходами часто могут сразу импортировать наилучшие на данный момент технологии, не неся затраты на НИОКР. Экономист Александр Гершенкрон назвал это явление «преимуществом отсталости».

Правда, одновременно с таким преимуществом возникают риски попадания в ловушку догоняющего развития, когда слабые страны на протяжении длительного времени получают от сильных только технологии «второго сорта» и не имеют доступа к самым передовым технологиям. Тем не менее, в определенных ситуациях фактор «низкой базы» может работать и в технологической сфере.

Третий аргумент можно свести к тому, что менее развитые страны сегодня могут изучить опыт социально-экономического развития, который уже имели передовые страны, и извлечь все необходимые уроки, избежав допущенных другими ошибок.

Эти три аргумента прямым образом вытекают из классической экономической модели Солоу, ставшей в свое время основой для исследования процессов конвергенции.

Хотя при этом многие исследователи делают весьма серьезную оговорку о том, что модельные построения подтверждают конвергенцию только в тех случаях, когда сравниваемые экономики однородны в терминах производственных функций. Когда это условие не выполняется, то неоклассические модели не подтверждают обязательность конвергенции. Впрочем, экономическая история тоже показывает, что процессы конвергенции довольно часто чередуются с процессами дивергенции, а разрывы между богатыми и бедными странами могут увеличиваться на протяжении весьма длительных промежутков времени.

Исследователи, изучающие процессы конвергенции, часто приходят к выводу, что такие процессы логичнее оценивать как долгосрочный, на десятилетия, тренд, а не как результат

текущей политики «здесь и сейчас». И период сближения тем длительнее, чем больше первоначальный разрыв.

Длительность процессов экономической конвергенции хорошо иллюстрируется графиком на рисунке 1.

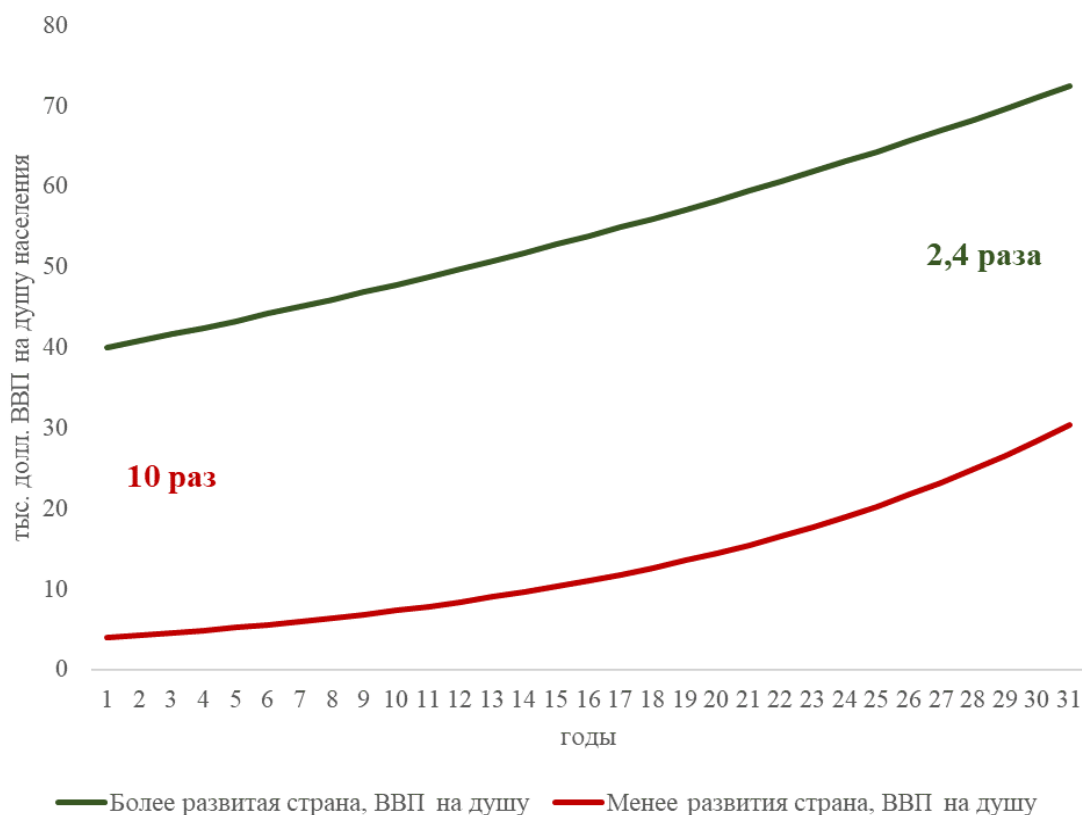

Рис. 1. / Fig. 1. Динамика ВВП на душу населения в странах разного типа / Dynamics of GDP per capita in different types of countries

Источник / Source: рассчитано по данные ЕАЭС / calculated on the basis of EAEU data.

График на рисунке 1 показывает, как выглядит сокращение разрыва между развитой страной, которая в стартовой точке имеет ВВП на душу населения 40 тыс. долл., и развивающейся страной с уровнем душевого ВВП 4 тыс. долл. Это вполне распространенное соотношение, так как к концу XX века средний доход на душу населения в странах ОЭСР (ORCD) был примерно в 7 раз выше, чем среднедушевой доход стран, не входящих в ОЭСР.

Сделано предположение, что темп прироста ВВП первой страны соответствует среднему в настоящее время для развитых стран (с учетом цикличности и кризисов) темпу прироста ВВП на уровне 2% в год, а темп прироста ВВП второй страны – 6-8%, или в 3-4 раза выше. Через 30 лет такого развития душевой ВВП в более развитой стране составит более 70 тыс. долл., тогда как в менее развитой – около 30 тыс. долл. Конвергенция выразится в том, что разрыв, который был десятикратным, стал равен 2,4. Однако даже после 30 лет такой конвергенции абсолютный разрыв в душевом ВВП остается практически неизменным – в богатой стране он примерно на те же 40 тыс. долл. выше, чем в бедной. Кроме того, не следует забывать, что обычно при увеличении душевого ВВП ежегодные темпы его прироста начинают падать, что еще более ограничивает возможности догоняющего развития.

Описанное развитие процессов конвергенции следует считать вполне реалистичным. Богатые страны с высоким уровнем доходов наращивали свое преимущество над бедными на протяжении многих десятилетий и даже столетий. Поэтому, как показывают расчеты, даже при оптимистичных сценариях конвергенции странам с низкими доходами потребуются как минимум несколько десятилетий, чтобы наверстать упущенное.

К числу основных факторов, определяющих процессы конвергенции в современных условиях, теоретики обычно относят следующие:

- доля занятых по отношению к общей численности населения;
- среднее число часов рабочего времени в год;
- объем физического и человеческого капитала;
- качество человеческого капитала по его образовательному и профессионально-квалификационному уровням;
- уровень используемых технологий (главный фактор).

Также упоминаются такие факторы, как: природно-климатические условия, наличие плодородных земель, наличие дешевого сырья и расстояние до глобальных рынков. Но сейчас эти факторы за некоторыми исключениями играют гораздо меньшую роль, чем в доиндустриальном мире. Так, доступ к сети Интернет становится одним из наиболее важных факторов для интеграционных процессов.

В процессе развития физический и человеческий капитал можно накапливать за счет сбережений или трансграничных перемещений, а передовые технологии можно приобретать путем распространения или инвестирования в инновации.

Но наблюдалась ли конвергенция в действительности? Анализ данных за XX век показал⁸, что с конца XIX века *доходы на душу населения* в США были значительно выше, чем почти во всех других крупных странах. С тех пор доходы на душу населения в США росли в среднем почти на 2% в год. Если не считать шоков, связанных с депрессией 1930-х годов и восстановлением после Второй мировой войны, эта динамика была довольно стабильной и гораздо более устойчивой, чем в других развитых странах. В период до Второй мировой войны сближения уровней развития между США и другими ведущими странами не происходило. Однако конвергенция внутри этой группы стран была довольно явной с начала 1950-х до начала 1970-х годов. К концу этого периода доходы на душу населения в группе ведущих стран составляли в среднем около 80% от доходов на душу населения в США. Однако затем дальнейшего сближения уровней не наблюдалось.

Тенденции развития в странах, не входящих в ОЭСР, также неоднозначны. В первой половине XX века темпы развития в этой группе стран были неустойчивыми. После Второй мировой войны наблюдался период относительно быстрой конвергенции, который в большинстве стран третьего мира прекратился тоже в 1970-х годах. Однако в период с 1970 г. в большинстве стран, не входящих в ОЭСР, темпы роста в среднем были ниже, чем в рамках ОЭСР. Главное исключение – страны Восточной Азии, где процессы конвергенции по отношению к более развитым странам продолжают и сейчас. В частности, к настоящему времени доходы на душу населения в Сингапуре и Гонконге уже достигли уровня душевых доходов в самых богатых странах ЕС, и эти две страны по-прежнему растут значительно быстрее европейских.

Таким образом, эмпирический анализ скорее не подтверждает гипотезу о неизбежности конвергенции различных стран мира. Исключения можно увидеть в некоторых группах стран, например в ОЭСР. И статистически, и содержательно ОЭСР можно считать «клубом стран конвергенции». В периметре этого объединения страны достаточно активно заимствуют друг у друга передовые практики в разных областях, и это весьма способствует процессам конвергенции.

За этим «периметром» развитые страны, тоже передают менее развитым свои технологии, переносят туда производства и иногда целые отрасли, но оставляют у себя ключевые компетенции, центры инвестиционного, финансового и иного контроля над рынками и тем самым усиливают разрыв между этими группами стран препятствуя возможной конвергенции.

На рисунке 2 приведены: среднее значение ВВП на душу населения по странам ОЭСР (с учетом ППС) и показатель среднего отклонения по странам от среднего значения по ОЭСР (по модулю). Чем меньше значение второго показателя, тем больше сходимости по всем странам и тем более ярко выражена конвергенция. Из графика видно, что примерно с 2000 года среднее отклонение падает, что говорит о продолжающейся конвергенции в рамках ОЭСР.

⁸ Maddison, Angus (2001), *The World Economy: a Millennial Perspective*, Paris.

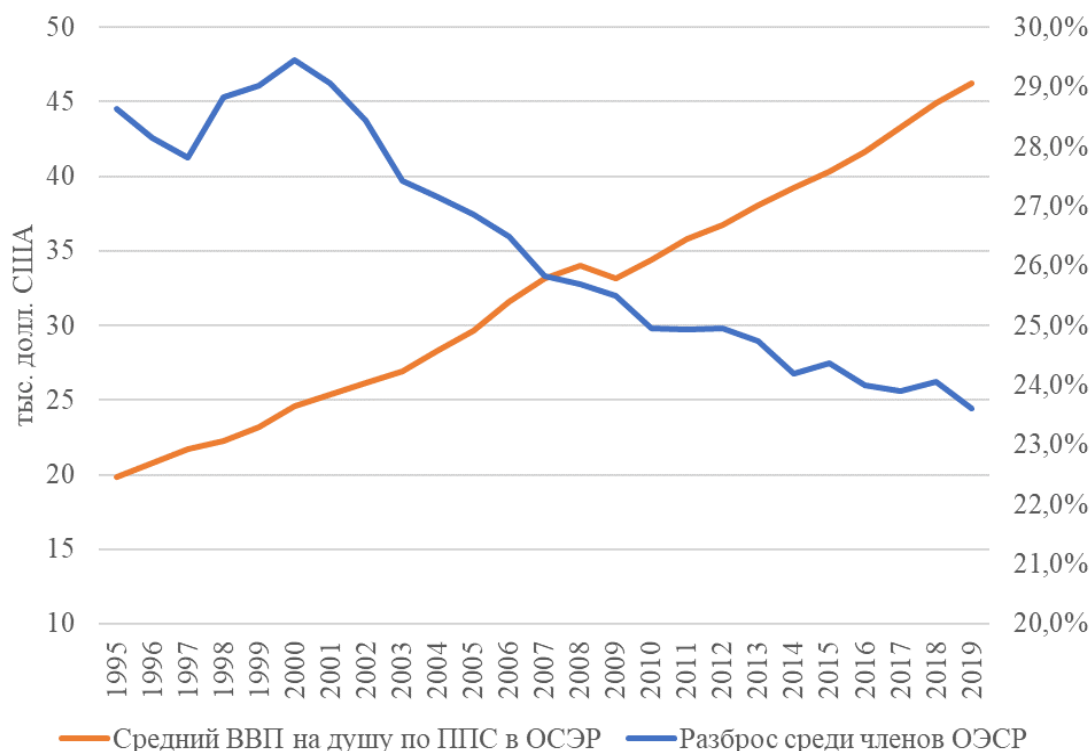

Рис. 2. / Fig. 2. Среднее по странам ОЭСР значение ВВП на душу населения и усредненное по странам ОЭСР отклонение от среднего ВВП / Average GDP per capita for OECD countries and the deviation from the average GDP per capita for OECD countries

Источник / Source: составлено по данным World Bank / compiled according to World Bank data.

Что касается стран ЕАЭС, то на протяжении последних 30 лет процессы конвергенции, измеряемые индикатором в виде душевого ВВП, выглядели довольно противоречиво. Однако в период 2010-2019 гг. конвергенция внутри ЕАЭС стала гораздо более выраженной (рис. 3).

На такие факторы конвергенции как объем человеческого капитала и доля работающего населения сильнейшим образом влияют *миграционные процессы*. К середине XXI столетия больше всего незанятых жителей трудоспособного возраста, вероятно, будет в Африке и некоторых азиатских странах (особенно в Индии и странах Средней Азии). Поэтому многие жители этих стран предпочтут мигрировать в более богатые страны, потому что даже если конвергенция по душевому ВВП продолжится, разница в доходах в обозримом будущем, вероятно, останется очень большой.

В большинстве стран иммигранты, как правило, имеют более низкий уровень квалификации, чем коренное население. Из-за этого страны ОЭСР, например, пытаются выстроить свою иммиграционную политику, отдавая предпочтение высококвалифицированным иммигрантам, особенно тем, которые могут быстрее ассимилироваться. Поскольку страны ОЭСР в целом весьма активно привлекают высококвалифицированных специалистов из развивающихся стран, сближение душевого ВВП между этими двумя группами стран скорее всего замедлится и возможно даже прекратится.

Эту негативную тенденцию могут несколько замедлить денежные переводы мигрантов на родину и передача в обратном направлении приобретенного человеческого капитала. Однако такой фактор лишь замедляет увеличение различий между этими группами стран, но не может помочь преодолеть их.

Помимо миграции на конвергенцию стран влияет интеграция финансовых систем. Устранение барьеров для международных финансовых потоков теоретически должно стимулировать конвергенцию путем перераспределения глобальных сбережений, в том числе на

реализацию инвестиционных проектов в более бедных странах, где инвесторы могут ожидать более высокую доходность от вложенных средств.

Этот фактор тоже лишь ослабляет повышение различий между развитыми и развивающимися странами, поскольку первые контролируют ключевые финансовые институты и валюты, перекладывая на финансовые институты развивающихся стран большие издержки и экспортируя в них часть своей инфляции.

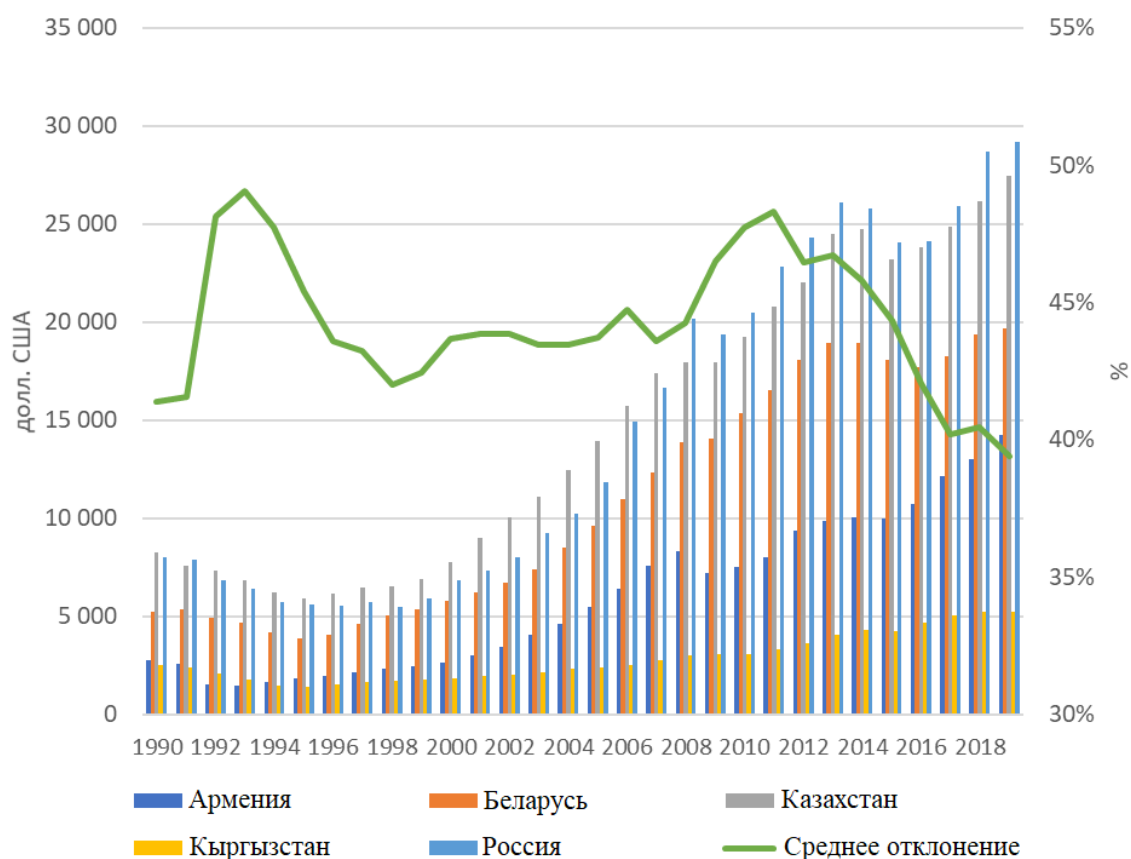

Рис. 3. / Fig. 3. Среднее значение ВВП на душу населения в странах ЕАЭС и показатель, характеризующий конвергенцию / Average GDP per capita in the EAEU countries and the indicator characterizing convergence

Источник / Source: составлено по данным World Bank / compiled according to World Bank data.

Приток финансовых средств, особенно прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в развивающиеся страны резко возрос с начала 1990-х годов. Однако хотя финансовая интеграция и способствует более быстрому росту в более бедных странах, значительная часть притока финансирует потребление, а вовсе не инвестиционные потребности. Некоторые из беднейших стран фактически отрезаны от частных международных финансовых потоков. Более того, финансовые рынки обычно дискриминируют развивающиеся страны, дефицит текущего счета которых превышает 5% ВВП, и, поскольку правительства сопротивляются более высокому дефициту с помощью ограничительной макроэкономической политики, механизм притока инвестиций ломается.

В целом финансовая интеграция может способствовать сближению (конвергенции), но при существующих сейчас условиях и ограничениях этот процесс, вероятно, будет очень медленным, поэтому необходимы другие меры для более активного «подтягивания» бедных стран. В перспективе новым фактором в пользу более бедных стран может стать повышение конкуренции традиционных западных (США и Европы) финансовых центров и новых растущих финансовых центров Китая за расширение/сохранение своих сфер влияния. В этом случае для более бедных

стран может появиться окно возможностей за счет выбора более привлекательных условий финансового обслуживания, но этот фактор можно прогнозировать лишь как общий фон для всех стран не относящихся к клубу развитых финансовых центров глобальной экономики.

Одни из ключевых факторов конвергенции – это *активизация инвестиционной деятельности* более развитых стран на территории менее развитых.

Как показано в таблице 3, в период с 2016 по 2020 гг. процесс взаимного инвестирования в рамках ЕАЭС активизировался. При этом доля России, как получателя инвестиций, снижалась, а доля России как инвестора – быстро росла. Как следствие, можно ожидать ускорения процессов конвергенции внутри экономического союза.

Таблица 3 / Table 3

**Взаимные инвестиции членов ЕАЭС, млн долл. США /
Mutual investments of EAEU members, mln USD. USD**

2016	Получатели инвестиций					Всего
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	
Армения		0,4	0,3		32,6	33,3
Беларусь			7,1	-17,6	46	35,5
Казахстан	-1,6	11,1		16,3	351	376,8
Кыргызстан			-1,2		-15,4	-16,6
Россия	-89,4	475	184,6	230,7		800,9
Всего	-91	486,5	190,8	229,4	414,2	1230

2018	Получатели инвестиций					Всего
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	
Армения		4	-0,6		-122,7	-119
Беларусь			2,1		52,9	55
Казахстан		3,3		37,3	334,7	375,3
Кыргызстан			-1,2		-20,8	-22
Россия	31,9	569,2	537,3	23,4		1162
Всего	31,9	576,5	537,6	60,7	244,1	1451

2019	Получатели инвестиций					Всего
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	
Армения		3,1	0,1		4,8	8
Беларусь			0,3	0,5	49,4	50,2
Казахстан		2,7		-37,9	223,8	188,6
Кыргызстан		-0,4	1,6		-27,3	-26,1
Россия	194,2	698	616,8	76,8		1586
Всего	194,2	703,4	618,8	39,4	250,7	1807

2020	Получатели инвестиций					Всего
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	
Армения		1	-1		53	53
Беларусь			23		15	38
Казахстан		5		-9	130	126
Кыргызстан		453	41		-18	476
Россия	17		383	5		405
Всего	17	459	446	-4	180	1098

Источник / Source: данные ЕАЭС / EAEU data: www.eurasiancommission.org

В качестве одного из факторов конвергенции выделяют также *социально-экономическую политику государств*, которая, по мнению А. Гершенкрона, может ускорять конвергенцию, так как правительство может заменить недостающие компоненты (доход, технологии, институты, ресурсы) целенаправленными действиями. Содержание этой политики определяется следующими направлениями.

- *Политика в области образования*

Здесь особенно важна подготовка исследователей, инженеров и предпринимателей. Учитывая важность НИОКР и инноваций для роста совокупной факторной производительности, можно предполагать, что экономическая отдача от высшего образования в этой сфере выше, чем принято считать. Особенно важно для повышения конвергенции в данной сфере сохранять равные права на образование, проводить единую образовательную политику, развивать общие подходы и стандарты образования, взаимное признание дипломов и других документов, расширять практику совместных научных и образовательных проектов, стажировок и других способов интеграции науки и образования рамках ЕАЭС. Необходимо повышать соответствие образовательных программ прогнозируемым изменениям на рынке труда, причем не только внутри стран ЕАЭС, но и всего Союза.

- *Институциональная политика*

Эмпирические данные показывают, что качество институтов очень значимо влияет на экономический рост. Поэтому страны с плохо функционирующими институтами рискуют надолго оставаться в числе отстающих по уровню развития. Для экономического роста наиболее важны те институты, которые способствуют накоплению физического капитала, высокому уровню занятости и образования. Нужны единые подходы к устранению барьеров взаимной торговли, бюджетной политике, контролю и прослеживаемости продукции, развитию банковской сферы, страхованию, торговле. Нужно развивать совместные в рамках ЕАЭС институты развития для реализации проектов, имеющих значимость для всего Союза – общей инфраструктуры, предотвращения общих угроз. С этой целью необходимо больше синхронизировать системы стратегического планирования и управления стран ЕАЭС, согласование ключевых стратегических документов, имеющих значимость для всего Союза.

- *Миграционная политика*

Массовая иммиграция работников, которые приносят выгоду принимающей стране, в краткосрочной перспективе обычно снижает темпы конвергенции, поскольку приводит к утечке наиболее активной части человеческого капитала из более бедных стран.

Однако в более долгосрочной перспективе иммиграция может усилить конвергенцию за счет масштабных денежных переводов со стороны мигрантов из богатых стран в бедные и обратного перетока человеческого капитала. Яркий примером может служить Китай, куда после начала экономического роста стали возвращаться уроженцы этой страны, вооруженные приобретенными капиталами, новыми знаниями и передовыми компетенциями.

Следует подчеркнуть, что перечисленные направления политик дополняют друг друга и должны проводиться согласованно. Так образовательная политика не может идти в отрыве от рынка труда, создания новых рабочих мест с одной стороны и инновационно-технологического развития – с другой. Миграционная политика также «привязана» к развитию центров экономической активности в странах ЕАЭС, будь то отрасли, регионы, отдельные быстроразвивающиеся сферы и рынки. Институциональная политика не может отставать от экономической политики, от развития крупного, среднего и малого бизнеса, должна «предоставлять» экономическим участникам все более современные инструменты финансирования, страхования, инвестиций, доступа к информации, защиты имущественных интересов и другие аналогичные возможности.

Литература / References

1. Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения. Очерки. – М., Наука, 2005. – 463 с.
2. Аткинсон Э.Б. Неравенство: как с ним быть? / Э.Б. Аткинсон; пер. с англ. О. Левченко; под науч. Ред. М. Добряковой. – Москва: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 536 с.
3. Агийон Ф., Уильямсон, Д. Экономический рост, неравенство и глобализация: теория, история и политическая практика / Ф. Агийон, Д. Уильямсон. – Москва: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 288 с.
4. Акаев А.А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.

5. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Перевод с французского Семенова Г.И. – М.: Текст, 1993. – 266 с.
6. Албастова Л.Н. Критика неолиберального варианта теории «конвергенции» капитализма и социализма: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Албастова Людмила Николаевна. – Москва: 1976. – 21 с.
7. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945-2005 [Текст] / пер. с англ. А. Гусева, Р. Хаиткулова; под науч. ред. И. Чубарова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 552 с.
8. Барро Р. Дж. Экономический рост / Р. Дж. Барро, Х. Сала-и-Мартин; пер. с англ. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 824 с.
9. Бельский В.Х. Социальная конвергенция и исторический процесс. Опыт марксистского анализа // Социс. – 2013. – № 4 (336). – С. 70-79.
10. Белых А. Александр Гершенкрон. Предисловие // Экономическая политика. – 2013. – № 6. – С. 59–66.
11. Бельский Ю.Л. Конвергенция экономик стран ЕврАзЭС: основные макроэкономические показатели // Известия СПбГЭУ. – 2009. – № 4. – С. 23-25.
12. Винокуров, Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция / Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман; [Евраз. Банк Развития]. – Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований, 2012. – 210 с.
13. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция в турбулентном мире / Л.Б. Вардомский. – СПб.: Алетейя, 2019. – 288 с.
14. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учеб. Для ВУЗов. Москва: ГУ ВШЭ, 2006. – 495 с.
15. Гринберг Р.С. Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития: моногр. / Отв. Ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. – Москва: ИНФРА-М, 2014. – 416 с.
16. Гершман Б.А. Неравенство доходов и экономический рост: теоретический обзор // Экономика и математические методы (ЭММ). – 2009. – Т. 45. – № 2. – С. 19–30.
17. Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
18. Гутняк В.Я. О «всеобщей экономике» Ф. Перру // Человеческий капитал. – 2015. – №10 (82). – С. 62-66.
19. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1976. – 408 с.
20. Гэлбрейт Дж., Меньшиков С.М. Капитализм, социализм, сосуществование. – М.: Прогресс, 1988. – 306 с.
21. Гасанов М.А., Гасанов Э.А. Структурная конвергенция в экономике России и ее ограничения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 1 (25). – С. 5-16.
22. Григорьева А.В., Безгласная Е.А. Конвергенция экономического развития национальных экономик в условиях глобализации // Научный электронный архив РАЕ. URL: <http://econf.rae.ru/article/6429> (дата обращения: 17.11.2021).
23. Диденко Н.И. Анализ конвергенции-дивергенции в развитии демографических процессов в глобальной экономике // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2017. – № 4. – С. 1-7.
24. Зарецкая В.Г., Дремова Л.А., Осиневич Л.М. Отраслевая конвергенция производительности труда как залог восприимчивости экономики РФ к инновациям // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 33. – С. 56-64.
25. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – Москва: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
26. Интеграционные процессы как основа индустриализации региональных экономических систем : монография / О. О. Дроботова, Е. В. Кузьмина, Г. С. Мерзликина, О. А. Минаева, С. В. Передунова, И. В. Пшеничников, Т. Ю. Решетникова ; под научной ред. Г. С. Мерзликиной; ВолгГТУ. – Волгоград, 2017. – 156 с.

27. Иодчин А.А. Эконометрическое моделирование межрегиональной конвергенции в России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13 / Иодчин Александр Александрович. – Москва, 2007. – 198 с.
28. Капельюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему (критические заметки): препринт WP3.2016.06. [Электронный ресурс]. / Р.И. Капельюшников; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. Дан. (1,5 Мб). – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 40 с.
29. Казакова М.В. Факторы конвергенции и дивергенции в мировой экономике: краткий обзор // Управленческое консультирование. – 2018. – № 7 (115). – С. 96-100.
30. Коломак Е.А. Модели региональной политики: конвергенция или дивергенция // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2009. – Т. 9. № 1. – С. 113–120.
31. Клавдиенко В.П. Институциональная конвергенция инновационных систем стран ЕС // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 4. – С. 24–31.
32. Лившиц В.Н. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. Научный доклад / В.Н. Лившиц. – М.: Институт экономики РАН, 2017. – 52 с.
33. Лапинскас А.А. Типы, функциональные особенности и конвергенция экономических систем: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Лапинскас Арунас Альгевич. – Санкт-Петербург, 2001. – 477 с.
34. Либман А.М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ / А.М. Либман // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 5. – С. 58-72.
35. Либман А.М. Модели региональной интеграции / А.М. Либман, Б.А. Хейфец. – М.: Экономика, 2011. – 333 с.
36. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – 288 с.
37. Либман А.М. Экономическая интеграция на постсоветском пространстве: институциональный аспект // Вопросы экономики. – 2005. – № 3. – С. 58-72.
38. Логинов Е.Л. Нооэкономика: генезис конструирования новой социально-экономической реальности // Финансы и кредит. – 2011. – № 39 (471). – С. 16-25.
39. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; отв. Ред. В.М. Полтерович; Рос. Акад. Наук, Дальневост. Отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
40. Майкл С. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / С. Майкл. – Москва: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2013. – 336 с.
41. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации / Б. Миланович. – Москва: Институт Гайдара, 2017. – 336 с.
42. Манцев В.В. Критика сущности и основных направлений теории «конвергенции»: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Манцев Владимир Валерьевич. – Москва, 1975. – 176 с.
43. Минаков В.Ф., Шуваев А.В., Лобанов О.С. Эффект цифровой конвергенции в экономике // Известия СПбГЭУ. – 2018. – № 2 (110). – С. 12-18.
44. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 640 с.
45. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] : 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2010. – 944 с.
46. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, объединяющая 57 стран Северной Америки, Европы и Центральной Азии. (англ. OECD – Organization for Economic Cooperation and Development).
47. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. А.Л. Дунаев, науч. Ред. пер. А.Ю. Володин. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

48. Пелипась И. Реальная, номинальная и институциональная конвергенция в странах ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2017r03.pdf> (дата обращения 30.10.2021)
49. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. – 2007. – № 2. – С. 32-43.
50. Полтерович В.М. Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // Montenegrin journal of economics. – 2012. – Vol. 8. – № 2. – С. 25-44.
51. Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии. Сб. науч. трудов. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. социологии и социальной психологии / Отв. ред. Ефременко Д.В., Кротов П.П. – М.: Изд-во РАН, 2012. – 232 с.
52. Роулз Дж. Теория справедливости / Д. Роулз. – Москва: Ленанд, 2017. – 536 с.
53. Растворцева С.Н., Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России: моногр. / С.Н. Растворцева, Д.И. Усманов. – Белгород: КОНСТАНТА, 2015 – 260 с.
54. Растворцева С. Н. Обзор исследований влияния международных интеграционных процессов на социально-экономическое неравенство регионов / С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова, Д.И. Усманов // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – 2014. – № 5. – С. 99-105.
55. Решение Высшего совета ЕАЭС от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/r17Fzr0mbE6x/content/id/4804486 (дата обращения 23.09.2021)
56. Роберт Л. Лекции по экономическому росту / Л. Роберт. – Москва: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2013. – 288 с.
57. Разем А.А. Конвергенция национальных систем хозяйствования в условиях глобализации мирового экономического пространства: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01, 08.00.14 / Разем Рашид Абделмаджид – Тамбов, 2008. – 159 с.
58. Рябов Б.А. Единая европейская валюта и макроэкономическая конвергенция: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Рябов Борис Александрович. – Москва, 2004. – 24 с.
59. Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Д. Стиглиц. – Москва: Эксмо, 2015. – 510 с.
60. Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство в обществе или что делать оставшимся 99 % населения? / Д. Стиглиц. – Москва: Эксмо, 2016. – 480 с.
61. Сен А. Идея справедливости / А. Сен. – Москва: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.
62. Сен А. Возвращение к проблеме неравенства / А. Сен. – Москва: Наука, 1996. – 160 с.
63. Сен А. Развитие как свобода / А. Сен. – Москва: Новое издательство, 2004. – 432 с.
64. Сакс Дж.Д., Ларрен Ф.Б. Макроэкономика. Глобальный подход. – М.: Дело, 1996. – 1092 с.
65. Сафронов С.Б. Финансовая конвергенция и финансовые конгломераты в мировом хозяйстве: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14, 08.00.10 / Сафронов Сергей Борисович. – Санкт-Петербург, 2010. – 182 с.
66. Таран Е. А. Конвергентные структурные сдвиги в экономике [Текст]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Т. А. Таран. – Томск, 2019. – 189 с.
67. Таран Е.А. Структурная динамика российской экономики как процесс перехода от квази-конвергентного к дивергентному структурному сдвигу / Е.А. Таран // Modern Economy Success. – 2019. – № 5. – С. 139-143.
68. Улин Б. Межрегиональная и международная торговля / Б. Улин. – Москва: Изд. Дом «Дело», 2004. – 416 с.
69. Труба Л.А. Теоретические основы формирования смешанной экономики конвергентного типа // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2013. – № 4 (38). – С. 89-93.
70. Туманова Е.А., Шагас Н.Л. Макроэкономика. Элементы продвинутого подхода. – М.: Инфра-М, 2004. – С. 201.

71. Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на экономическое неравенство регионов России: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Усманов Далер Ирматович. – Белгород, 2015. – 214 с.
72. Усманов Д.И., Чернышов М.М. Имущественное неравенство: структурный анализ и методические рекомендации по оценке уровня социально-экономической дифференциации регионов России // Проблемы рыночной экономики. – 2020. – № 1. – С. 34–46.
73. Успенская Д.С. Институциональные изменения. Доклад в Высшей школе экономики. – М.: ВШЭ, 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/data/2010/12/23/1208095831/Lecture%2014.pdf> (дата обращения: 17.11.2021).
74. Челнокова О.Ю. Взаимосвязь и взаимообусловленность конвергенции и интеграции в экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 154–158.
75. Чувелева Е.А. Стимулирование стратегической корпоративной интеграции как фактор конвергенции реального и финансового секторов экономики // Проблемы учета и финансов. – 2016. – № 2 (22). – С. 42–49.
76. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута. – Москва: М-Студио, 2009. – 188 с.
77. Шифф М., Уинтерс А. Региональная интеграция и развитие: Пер. с англ. / Морис Шифф и Л. Алан Уинтерс; Всемирный банк. – Москва: Весь Мир, 2005. – 375 с.
78. Шильцин Е.А. Оценка конвергенции и дивергенции регионального пространства России и Сибири: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Шильцин Евгений Александрович. – Новосибирск, 2010. – 131 с.
79. Цаголов Г.Н. Биполярная элементарная клеточка конвергентной формации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eifgaz.ru/tsagolov20-12.htm>
80. Apergis N., Panopoulou E., Tsoumas C. Old wine in a new bottle: Growth convergence dynamics in the EU // Atlantic Economic Journal. – 2010. – № 38. – pp. 169–181.
81. Budak J., Sumpor M. Nova institucionalna Ekonomika i institucionalna konvergencija // Ekonomski pregled. - Zagreb, 2009. – Vol. 60 – № 3–4. – Pp. 168–195.
82. Buckingham W., Dankert C. Fluctuations in American Business. – New York: Russell & Russell, 1962. – 195 p.
83. Borsi M.T., Metiu N. The evolution of economic convergence in the European Union // Empirical Economics. – 2015. – Vol. 4. – Pp. 657–681.
84. Barro R.J. and Sala-i Martin X. Convergence across States and Regions // Brookings Papers on Economic Activity. – 1991. – Vol. 1, № 1991. – Pp. 107–158.
85. Benabou R. Inequality and growth / R. Benabou // NBER Macroeconomics Annual. 1996 / eds. B.S. Bernanke, J.J. Rotemberg. – Cambridge, MA, 1996. – №11. – Pp. 11–92.
86. Dolores M., Rivas G., Villarroya I.S. Testing the Convergence Hypothesis for OECD Countries: A Reappraisal (Discussion Paper) // Economics. – 2016. – № 2016–45 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.economicsejournal.org/economics/discussionpapers/2016-45> (дата обращения: 17.11.2021).
87. Dosi G., Fabiani S. Convergence and divergence in the long-term growth of open economies // The Economics of Growth and Technical Change. Technologies, Nations, Agents / G. Silverberg, L. Soete (eds.). Vermont: Edward Elgar, – 1994. – Pp. 119–153.
88. Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017AppendixWIDworld.pdf> (Дата обращения 25.10.2018).
89. Lawrence T. Nichols. Science, politics and moral activism: Sorokin's integralism reconsidered / In: Return of Pitirim Sorokin. International Kondratieff foundation. – Berlin: Springer, 2001. – Pp. 217–237.
90. Mosini V. Equilibrium in Economics: Scope and Limits. – London: Routledge, 2007. – 322 p.
91. Ottaviano G. Agglomeration and trade revisited / G. Ottaviano, T. Tabuchi, J.-F. Thisse // International Economic Review. – 2002. – Vol. 43. – No. 2. – Pp. 409–435.

-
92. Romer D. Advanced Macroeconomics. / D. Romer. – 4th ed. – McGraw-Hill Book Company, London, 2011. Pp. 32-36.
93. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // The Journal of Political Economy. – October, 1986. – Pp. 1002-1037. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.parisschoolofeconomics.eu/docs/darcillon-thibault/paul-romer-increasing-returns-and-long-run-growth.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).
94. Rodrik D. Second-best institutions. – Cambridge: national bureau of economic research, 2008. – 14 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nber.org/papers/w14050.pdf> (дата обращения: 17.11.2021).
95. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics, 1956. – February. – Pp. 65-94. [Электронный ресурс]. – (URL: <https://pages.nyu.edu/debraj/Courses/Readings/Solow.pdf>)
96. World inequality report 2018. World Inequality Lab. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf> 300 P.
97. World development report 2009. Reshaping economic geography / The World Bank. – Washington DC: World Bank, 2009. – 383 p.

Об авторе

Усманов Далер Ирматович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва.

About author

Daler I. Usmanov, Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of Economic Theory at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.